

ПРЕЕМСТВЕННОСТИ И НОВАЦИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ: «АННАЛЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ» В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПЕРИОДИКИ

Н.В. Трубникова

Томский политехнический университет

E-mail: troub@mail.ru

Статья посвящена исследованию преемственностей и новаций в сфере исторической профессиональной периодики Франции. На фоне общего развития исторических журналов автор анализирует проект и воплощение «Анналов экономической и социальной истории» с точки зрения их новационных характеристик.

«Общим местом» эпохи идейного лидерства движения «Анналов» было убеждение в том, что в истории социальных наук подлинно новаторскими предприятиями стали «Журнал исторического синтеза» (*La Revue de la Synthèse Historique*), руководимый Анри Берром и сами «Анналы экономической и социальной истории» (*Annales d'histoire économique et sociale*), наследовавшие ему, до некоторой степени. Между тем, как показывают современные исследования, ни тот, ни другой журнал не были моментами какого-либо начала. Скорее, — пишет Бертран Мёллер, — они «символизировали два момента разрыва, «основательного разрыва», ...по отношению к историографической традиции относительно недавней, которая (и именно она) была действительно начальной в полном смысле слова, поскольку она основала, во второй половине XIX в. интеллектуальную, научную и социальную организацию истории, от которой мы еще глубоко зависимы по сей день» [1. С. 117].

Исследователи французской профессиональной периодики не без оснований утверждают ту мысль, что новаторскими в формировании существующего историографического порядка были другие издания. С помощью создания четкого корпуса инструментов работы, таких, как библиографические реквизиты, инвентари архивов, массовые публикации оригинальных документов, каталогов, индексов, учебников уже к началу XX в. формируются профессиональные сети взаимодействия. Каждая область специализации получает свой особый круг, что позволит Луи Альфену сформировать понятие о «территории историка», которая уже тогда есть «мир, экстраординарно измельченный» [2. С. 171]. Основной вехой в процессе создания научных сообществ становится профессиональная периодика.

Подлинным началом исторической профессии стал «Журнал критики истории и литературы» (*La Revue critique d'histoire et de littérature*), созданный в 1866 г. и способствовавший введению и распространению исторического метода. Затем — «Исторический журнал» (*La Revue historique*), который начал издаваться в 1876 г. и стал главным инструментом дисциплинарной автономии истории. Наконец, в 1906 г. увидел свет первый выпуск «Журнала современной истории», засвидетельствовавший

профессиональную зрелость исторической дисциплины и снявший запрет на изучение послереволюционной истории Франции.

Чтобы понять, какое место займут в этом процессе журналы «Новой» исторической науки, необходимо вначале проследить логику развития профессиональных исторических журналов во Франции предшествующего периода.

Вначале пространство исторических и литературных исследований не различалось. По-настоящему новаторский «Журнал критики истории и литературы» (*La Revue critique d'histoire et de littérature*) — своего рода библиографический бюллетень, который вводит рецензию как средство научной дискуссии в сферу исторических сочинений. Основатели журнала — Гастон Пари и Поль Мейер, — отказались производить ясное и четкое разделение между эрудицией, историей и литературой, стремясь безжалостной критикой библиографического производства изменить взгляды на существо литературного процесса, разграничивая «научное» использование исторических материалов от привычного художественного промысла. Эрнест Лависс назовет их детище разновидностью «литературной полиции», а Шарль Сеньобос — «справедливостью посредством террора», поскольку журнал жестко разорвет всякие отношения с канонической моделью литературной критики. Отвергая всевозможные риторические уловки, сотрудники журнала утверждали прямой и ясный стиль, статьи по сути дела, которые вникают в детали, технические частности и дистанцируются от светского красноречия литературной критики.

В немалой степени, формируя условия и правила научной работы в литературных дисциплинах, «Критический журнал» вдохновляется моделями, уже опробованными за границей в Англии и, особенно, в Германии. В своем стремлении реформировать академическую систему и добиться триумфа науки эти дебютанты в самых бескомпромиссных выражениях подрывают престиж столь признанных писателей исторического жанра, как Ипполит Тэн, Эрнест Ренан и, особенно, Нюма Дени Фюстель де Куланж. Так впервые, еще до эпохи третьей Республики, проявилась уже отмеченная выше закономерность французской историографии: крайняя непочтительность по отношению к

поколению ближайших предшественников и учителей, позволяющая каждому новому поколению историков с помощью революционных манифестов и радикальных пересмотров прошлого утверждаться в среде исторической профессии.

В рассматриваемом случае, своей гипертрофированной критикой мэтров с мировым именем, молодые редакторы смогли зафиксировать «на очень высоком уровне цену вступления в научную корпорацию»; они сделали чрезвычайно высокими нормы компетенции и отличия будущего сообщества историков [1. С. 119].

Журнал не имел никакой главенствующей доктрины или системы управления, ограничившись простым установлением: «Есть только история, только критика, только эрудиция» [3. С. 2]. Метод, — то единственное, что дает связность гуманитарным дисциплинам. Еще не имея явной выраженной теоретической декларации, он устанавливается, как основной принцип критики.

Из рецензии полностью исключили все индивидуальные качества автора в пользу самого произведения и его интереса для читателя, что было необычным по традиционным критериям. Хотя авторам было дано право ответа в журнале на критику, их репутации в статьях не отводилось никакого места. Судили только компетенцию автора и научную ценность его работы. Во имя объективности и непредвзятости науки, все было сделано, чтобы установить критику в качестве унифицированной, «нормальной» практики, которая отныне становилась коллективной.

На следующем этапе развития, первый теоретический манифест «методической школы» будет опубликован в первом номере «Исторического журнала» его 32-летним редактором Габриэлем Моно в 1876 г. Он рассматривал свой журнал как инструмент научного действия и гражданского воспитания одновременно. Всецело отдавая приоритет незаинтересованному исследованию — история может и должна быть наукой, освобожденной от моральных, философских или религиозных *a priori*, — Моно настаивает на том, что чувство политического долга, в широком смысле, должно присутствовать в истории, способствуя национальному примирению. Необходимо обосновать научную перспективу, сфокусированную на «общей культуре и на привычках метода, критики и суровой интеллектуальной дисциплины», чтобы вывести историю из «антагонизма, который долгое время был установлен между литературой и эрудицией». «История должна быть объектом медленного и методичного исследования, где движение происходит постепенно от частного к общему, от детали к совокупности; где последовательно проясняются все темные моменты, чтобы получить, в конце концов, законченные картины и суметь определить для тщательно установленных групп фактов общие идеи, состоятельные для доказательства и верификации» [4. С. 33]. Открытый всем «серьезным тру-

женикам», какими бы не были «их частные особенности», «Исторический журнал» утверждается как место сосредоточения позитивной науки и свободной дискуссии, но «ограничивается областью фактов и останется недоступным для политических и философских теорий» [4. С. 35].

«Исторический журнал» становится главным средством легитимации профессии историка. Это право на существование профессии подчинялось весьма аскетическому видению мира: культу умственного труда, который предполагал испытание долгим и суровым ученичеством; требованию строгой и методичной критики, которая повышала ценность фактов и уменьшала значение абстрактных идей; необходимости дистанцироваться от политических страстей и, как следствие, от современной истории; умеренности суждения. Но все эти ценности, которые создают «деонтологические» принуждения ремесла, доверяют истории и историческому методу особый интеллектуальный и моральный статус. История как выражение солидарности времен и прогресса наполнена еще и гражданской доблестью, а исторический метод возведен в принцип, гарантирующий исследование истины.

Камнем преткновения в споре о назначении истории оставалась Революция, от которой произошли разные концепции современности. «Исторический журнал» участвовал в праздновании столетия Революции, публикуя большое количество статей и документов. Как умеренный республиканец, Моно боролся против всех крайних, как левых, так и правых, воззрений, желавших придать революционным событиям некий радикальный смысл. Он пытался включить Революцию в «большие длительности» истории Франции, ища ее корни в монархических структурах, в широкую европейскую перспективу, которая действительно закладывала основы новейшей эпохи.

С руководящей средой режима III Республики «Исторический журнал» поддерживал особые отношения, приобретая почти официальную позицию профессионального самовыражения историков и одновременно не порывая окончательно с политическим действием. Редакторы журнала активно высказывались по поводу насущных проблем внешней политики, об университетской реформе, используя одновременно свое речительство историка и свою социальную философию.

Завершилась интеллектуальная и институциональная консолидация исторической дисциплины в 1906 г. созданием «Журнала современной истории» (*La Revue d'histoire moderne*). Отмеченная преемственностями людей и интеллектуальных концепций, тенденция профессионализации посредством периодики произвела к тому моменту структурные сдвиги и в пространстве идей. Критический метод, еще недавно являвшийся исключительной прерогативой филологии, теперь полностью отождествляется с методом историческим. Другой сдвиг, начатый с историзации Великой Француз-

ской Революции, повлек за собой утверждения новой и новейшей истории. Третьим новшеством стала специализация по областям и периодам деятельности, что значительно облегчало приложение исторического метода и оценку производимых исследований со стороны «узких» специалистов.

Следующей вехой в развитии исторической периодике станет «Журнал исторического синтеза», руководимый Анри Берром. Этот проект, проект философа, ушедшего в историю, остался, прежде всего, философским. Отвергая метафизическую и спиритуалистскую теорию, Берр стремился создать позитивную философию, стержнем которой должна была стать история. Но его программа истории, организационным принципом и основным теоретическим референтом которой было понятие синтеза, стала ответом на вызов, брошенный нарождающимися социальными науками. Берр решительно отвергает «все социальное» в духе учения Дюркгейма, куда была отнесена и экономическая проблематика, считая основой своего синтеза историческую психологию. Очевидно, что наследники традиции «Анналов», прочно прописавшие Анри Берра среди идейных предтеч своего движения, даже и не стремились вникать в существо интеллектуальных исканий «отца синтеза». В частности, Фернан Бродель написал: «Даже Анри Берр, например, мечтал только о присоединении истории к социологии. Цель объединить историю и экономику, дисциплину, о которой он ничего не знал, фактически, казалось ему очень опасной операцией» [5. С. 12].

В проекте Берра важную роль играла библиографическая критика: чтобы нейтрализовать негативные эффекты специализации и заново определить научный и эпистемологический статус истории, Берр считал необходимым открыть широкую методологическую и теоретическую конфронтацию между историками и философами с одной стороны, и между историками и практиками социальных наук, с другой. «Размышлять о науке» и «уточнить роль истории» в обществе составляет в конечном итоге, по Берру, две главные оси, начиная с которых дисциплина должна переосмысливаться и реконструироваться, а главной сферой такого исторического синтеза должна была стать историческая психология.

Интерес Берра к исторической психологии разделил его молодой сотрудник и близкий друг Люсьен Февр, создатель будущего всемирно известного журнала «Анналы экономической и социальной истории». Еще на рубеже 1910–1920 гг. Люсьен Февр мечтал о создании журнала экономической истории. В его представлении, журнал должен был стать лингвистически и финансово интернациональным, отдавая тематический приоритет еще неизведанным областям, включая экономики «архаического» типа. Важным требованием было отрицание «ограниченного и тесного духа специализации», одновременно национальной и хронологической, произвольных разрывов между отдельными

периодами истории и различными типами экономики. Наконец, по замыслу, журнал не должен был оставаться в стороне от теоретических дебатов об эволюции экономических, социологических и юридических доктрин.

Однако проект Февра не был воплощен в жизнь. В конце 1927 г. его коллега и друг Марк Блок решил воспроизвести его планы, несколько видоизменив концепцию. По настоянию М. Блока, пришлось вернуться к финансовой формуле, которую Февр некогда считал неподходящей: издания журнала, может быть, интернационального по духу, но все-таки французского, и привязанного к определенному коммерческому издателю. Позднее Февр признает правоту такого решения.

Теоретические манифесты «первых «Анналов» чрезвычайно лаконичны, поэтому говорить о какой-то выраженной «парадигме» первых «Анналов» действительно трудно. Так, в «тексте открытия» первого номера «Анналов» [6. С. 1], авторы настаивают на сотрудничестве историков и представителей социальных наук. Другая цель — помочь «людям действия» лучше понять свое время. Тем самым определяется ясно прагматическая позиция, позиция практиков от истории, позволяющая противопоставить себя философскому стилю Анри Берра. В этом также можно усмотреть линию преемственности по отношению к методической школе, традиционно недоверчивой по отношению к теории. Наконец, провозглашалась цель изменить намерения, методы и условия задачи ремесла историка. Последнюю работу предполагалось вести на фронтах очень различных, от утверждения сравнительной истории и использования неписанных источников до изменения кадровой системы в профессии и улучшения библиотек.

Значительно большую роль, чем программные заявления, по мнению специалистов, в понимании взаимоотношений «отцов-основателей» и подлинной истории «Анналов» играет их многолетняя переписка [7–9]. Именно здесь обсуждаются новые теоретические ориентации и эксперименты, вырабатываются механизмы управления журналом. Письма свидетельствуют о трудностях, колебаниях и неопределенностях, которые испытывали создатели «Анналов». В преддверии открытия журнала, Февр написал: «... Я надеюсь, что когда журнал откроется, работа будет более простой. Сейчас она мне кажется довольно тяжелой. Но давайте не будем ждать, ... последнего момента. Не будем думать, что наша роль закончилась, когда нам пообещали статьи. Она только начинается... Выпустить журнал, само по себе, это огромная работа. Это трудно. Мы далеки от того, чтобы предусмотреть все, увя...» [7. С. 79]. «Нас не должно удивлять, если не удастся преуспеть с первого раза. Мы, естественно, находимся в плену наших привычек и нашей среды. ...В том, что мы предприняли, есть, по сути, пространство маленькой интеллектуальной революции, под нее трудно подстроиться другим и

нам самим — тоже. Первая половина года будет проведена в открытии опасностей и измерении наших лакун: это не потерянное время» [7. С. 205].

Несомненной новацией «Анналов» стало «тематическое продвижение» — сугубо эмпирический подход выделения особых тем номера, которые не совпадают с рубриками самой дисциплины и не образуют определенной строгой классификации. Эта форма, с небольшим перерывом после 1945 г., станет частью «формулы успеха» «Анналов» и одной из черт преемственности между различными поколениями, выпускавшими журнал.

Другим инструментом консолидации традиции «Анналов» станет интенсивная работа с авторами, изменение некоторых заголовков, группировка статей с другими по темам, иногда довольно серьезная правка текстов. И все равно редакторы будут жаловаться на нехватку авторов и посредственность большинства представляемых рукописей.

Определяя политику будущего журнала с весны 1927 г., будущие редакторы колебались «между двумя крайними концепциями»: чисто библиографической — посвященной рецензированию появляющихся книг, или чисто методической (критической), которая, отслеживая направления развития, направляла бы смысл библиографической критики способом «научной вулгаризации». Отказываясь от любого компромисса с «тем, что имело бы атмосферу «политико-журналистского расследования» или «тем, что имело бы атмосферу литературной хроники», Февр в конечном итоге предлагает формулу среднего между «исчерпывающей библиографической переписью сочинений, появившейся за год и критикой недавних тенденций в данной области».

«Анналы» экономической и социальной истории с самого начала отсылали к «духу «Анналов», никогда ясно его не определяя, а не к доктрине. Речь в данном случае шла о стиле профессионального участия, который не предопределял теоретического содержания. Однако, в этом не было действительной теоретической глухоты: «факт настойчивого отказа от теории не предполагал... отказа от направляющих идей исследования: он отмечает только боязнь, как бы дисциплина не оказалась подчиненной теологии, идеологии или философии» [10. С. 155]. Важной причиной того, почему «классическая концепция» «Анналов» так и не будет ясно выражена, помимо отмеченного выше недоверия к теории, была «сложность, которую испытывали директора, чтобы сформировать вокруг журнала крепкую и верную команду». Формула «группа с журналом» мало подходит «первым Анналам», «Анналам» Блока и Февра, «которые... осуществляли почти в одиночку управление и редактирование журнала и писали подавляющее большинство рецензий» [1. С. 114]. Не удалось, в частности, привлечь к работе в «Анналах» идейного донора движения Франсуа Симиана: попытка сотрудничества с ним станет цепочкой недоразумений и неудавшихся дел [11].

Кто же все-таки публиковался в Анналах? Каждый исторический журнал Парижа образовывал собственные «сети» сотрудников, которые, согласно анкете Оливье Дюмулена, существенно различались у трех ведущих: «Анналов», «Исторического журнала», «Журнала новой и новейшей истории». Только двенадцать авторов публиковались во все трех периодиках, среди которых были иностранные авторы и несколько наиболее титулованных и признанных в профессии, таких, как Глоц, Озе, Курнэр и т.д., включая самих Февра и Блока. Остальные — распылены в различных журналах, имеющих своих тематические и хронологические специализации. Интернационализация сетей сотрудников является, в большей степени, характеристикой «Анналов», которые насчитывают 36 % иностранных сотрудников против 17,5 и 23 % соответственно у двух других журналов [12. С. 317–344]. Кроме того, журнал Февра и Блока формирует сеть наименее университетскую и наименее «профессиональную» из трех. Пишущими в «Анналы» были более половины философы, лингвисты, экономисты или географы, более редко представленные в «Историческом журнале». Если «Исторический журнал» оставался «голосом Сорбонны», то позиция «Анналов» оказалась уникально интересной, поскольку она объединила одновременно верхушку профессии, и ее внешнее окружение. «Эта позиция не столько периферическая или маргинальная, что бы об этом не писали, а скорее, парадоксальная, основанная одновременно на оригинальности подбора сотрудников Анналами и стратегической эффективности их предложений» [1. С. 146]. Частью этой позиции являлось также положение самих редакторов «Анналов», которые, целиком посвящая себя новаторским проектам, никогда не отвергали полностью возможности сотрудничать в официальных органах дисциплины, и, в особенности, в «Историческом журнале».

Персонал, привлекаемый в «Анналы», действительно не был ни однородным, ни постоянным. Количество публикующихся иностранцев было ограниченным, и в ходе 1930-х гг. интернационализм все более клонился к упадку. Да и «резервуар» французских сотрудников, по мнению редакторов, был недостаточен и не обновлялся. Самыми важными среди них были сотрудники «с первого часа», оставшиеся верными журналу до самой войны, кроме Болига, который оставил «Анналы» после их переезда в Париж, и Бомона, который прекратил сотрудничество в 1936 г. Именно в этой сотрудничающей группе из одиннадцати авторов, написавших для «Анналов» в общей сложности по 10–20 статей, можно наблюдать какое-то движение. Из этих одиннадцати человек четверо (Лабури, Арсен, Жерне, Ван Вервек) начали участвовать в работе журнала рано, но писали понемногу. Среди новых членов редакционного комитета только Мейнье (с 1933 г., 15 статей), Люси Варга (с 1934 г., 10 статей) и Одикур (с 1936 г., но особенно в 1939 г., 10 статей) способствовали обновлению [1. С. 148]. Каждый год

появлялись новые авторы, они были многочисленны, но публиковали только по одной статье или сотрудничали в журнале только один год.

Интернационализм натолкнулся на умножение национальных журналов с одной стороны, экономический кризис и подъем экстремизма в Европе, с другой. Внутри Франции трудное открытие неуниверситетских и непрофессиональных сред показывает, насколько необычным еще был способ организации «Анналов» и насколько он контрастировал с периодом недавней профессионализации и специализации дисциплины. Успех данного предприятия базировался, главным образом, на волонтаризме его создателей.

Работа между редакторами была поначалу организована на основе равенства: они распределяли чтение рукописей, но вместе принимали решения. В 1930 г. М. Блок написал: «В организации наших «Анналов», в ходе этого первого года я бы сильно затруднился ясно разделить, что исходит от Вас, и что исходит от меня, и именно в этом, не так ли, сущность действительного сотрудничества» [7. С. 199].

Но постепенно выявлялась определенная «специализация труда»: Февр казался более озабоченным организацией критической части, а Блок — предложением направлений исследований. Контраст между ними отразился и в манере оценивать роль журнала по отношению к внешнему, сравнительно с внутридисциплинарным пространством, миру. Февр был чувствителен к действию журнала за пределами профессиональной среды, в частности, в деловых кругах. В октябре 1929 г. он доверяет своему другу Альберу Тома: «Это еще не тот живой журнал, о котором я мечтаю. Мой содиректор слишком историк, и большой эрудит. Я отпустил его на волю, немного слишком, возможно. Я прие-

хал в Париж именно для того, чтобы изучать средства сделать журнал более «актуальным» и живым. Он сейчас захвачен университетской средой. И даже слишком захвачен. Остается ждать его вхождения в деловой мир» [13. С. 88]. Намерения Люсьена Февра совпадали с чаяниями издательского дома Колена, взявшегося за выпуск журнала: его руководители рассчитывали распространить большую часть абонементов среди «деловых людей», «занятых людей», которые читают в автомобиле, настаивая на включении в журнал новостных социальных и экономических статей, отвечающих вкусу неакадемической публики [14. С. 31]. М. Блок значительно более волновала реорганизация исследований по экономической истории.

Издание журнала в эпоху первых «Анналов» почти все время было делом неуверенным и трудным: тираж журнала сокращается с 1300 экземпляров в 1929 г. до 1000 в 1933 г. и до 800 номеров в 1935–1938 гг. Не увенчалось успехом сотрудничество с «деловым миром», и количество абонементов не превышало 300 [14. С. 31].

Однако в послевоенный период «Анналы» приобретут всемирную известность, став олицетворением радикального обновления профессии, и лишь полвека спустя — в 1990-х гг. — исследователи зададутся вопросом о том, насколько принципиальной была введенная ими инновация. Ответ будет неожиданным: знаменитые «Анналы» продолжили путь профессионализации исторической периодики, не совершив на данном пути революционных прорывов. Но именно предложенный ими гибкий и открытый переменам «стиль участия» в профессиональных дискуссиях на долгие десятилетия превратится в символ триумфа исторической науки «à la française».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Müller B. Lucien Febvre, lecteur et critique. — Paris: Albin Michel, 2005. — 470 p.
2. Halphen L. L'histoire en France depuis 100 ans. — Paris: Armand Colin, 1914. — 284 p.
3. Meyer P., Paris G. A nos lecteurs // Revue critique d'histoire et de littérature. — 1872. — № 1. — P. 1–2.
4. Monod G. Du progrès des études historiques en France depuis le XVIe siècle // Revue historique. — 1876. — № 1. — P. 30–35.
5. Braudel F. Introduction // Stoianovich T. French historical method. The Annales paradigm. — Ithaca and London: Cornell University Press, 1976. — 262 p.
6. Bloch M., Febvre L. Text d'ouverture // Annales d'histoire économique et sociale. — 1929. — № 1. — P. 1–2.
7. Müller B. (éd.). Marc Bloch — Lucien Febvre. Correspondance, t. 1. — Paris: Fayard, 1994. — 554 p.
8. Müller B. (éd.). Marc Bloch — Lucien Febvre. Correspondance, t. 2. — Paris: Fayard, 1994. — 548 p.
9. Müller B. (éd.). Marc Bloch — Lucien Febvre. Correspondance, t. 3. — Paris: Fayard, 2003.
10. Castelli-Gattinara E. Les inquietudes de la raison. Epistemologie et histoire en France dans l'entre-deux-guerres. — Paris: Ed. de l'EHESS-Vrin, 1998. — 338 p.
11. Rioux J.-P. Une correspondance entre Lucien Febvre et François Simiand à l'aube des «Annales» (1928–1930) // Vingtième siècle. Revue d'histoire. — 1989. — № 23. — P. 103–110.
12. Dumoulin O. Profession historien 1919–1929. Un métier en crise? — Paris: EHESS, thèse de 3e cycle, inédite, 1983. — 429 p.
13. Müller B. «Problèmes contemporains» et «Hommes d'action» à l'origine des Annales. Une correspondance entre Lucien Febvre et Albert Thomas (1928–1930) // Vingtième siècle. Revue de l'histoire. — 1992. — № 35. — juillet-sept. — P. 79–91.
14. Bonnaud R. Histoire intelligente pas morte ... // Bonnaud R. Histoire et historiens depuis 68. Le triomphe et les impasses. — Paris: Kimé, 1997. — 128 p.
15. Delacroix Ch., Dosse F., Garcia P. Les courants historiques en France. — Paris: Armand Colin, 1998. — 320 p.

Поступила 26.06.2006 г.